

Село Давыдово,
Камешковского района

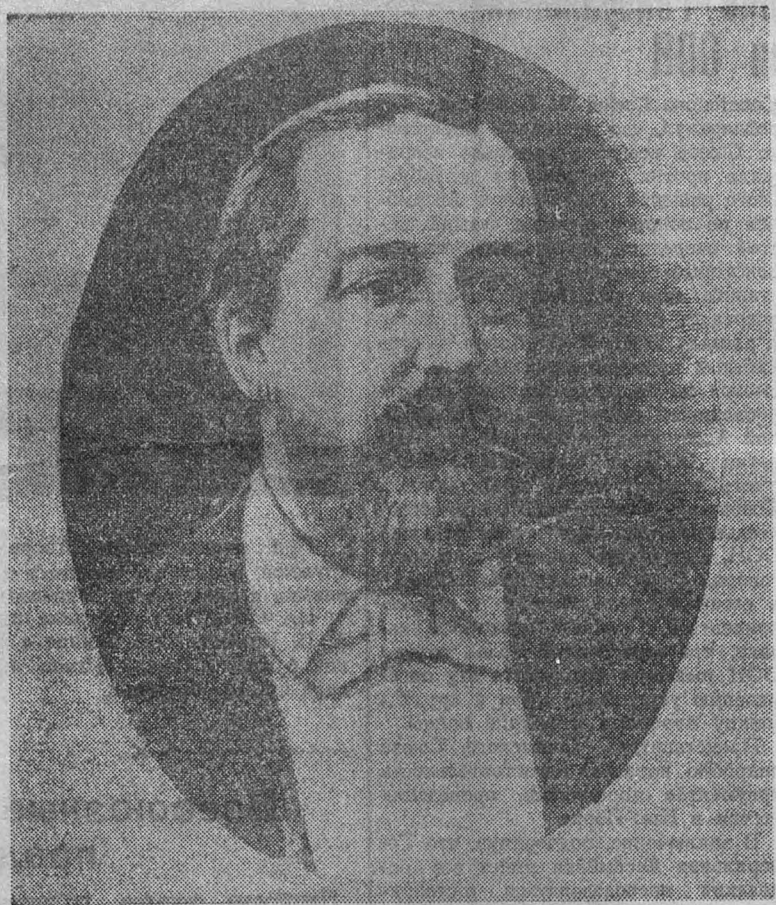
ЗДЕСЬ СОЗДАВАЛАСЬ ОПЕРА „КНЯЗЬ ИГОРЬ“

А. П. Бородин в Давыдове

Из переписки великого композитора

Из письма Владимира Васильевича Стасова*)

(Адресовано в с. Давыдово 8 августа 1879 года)



А. П. Бородин.

НЕДАВНО в Москве вышел из печати четвертый том писем Александра Порфирьевича Бородина. Автор всемирно известной оперы «Князь Игорь» был человеком высокой культуры. Он, как известно, внес ценный вклад в сокровищницу достижений русской школы химиков-органиков, научным трудом создал себе мировое имя. В его лице ярко проявилась выдающаяся способность к научному и художественному мышлению. Но ни наука, ни музыка не были для него делом побочным, второстепенным. И в той и в другой области он был до конца серьезным, вдумчивым, требовательным к себе ученым и художником.

Как композитор, Бородин создал вдохновенные произведения, блистательные неувядаемой яркостью гармонического и оркестрового колорита. «Талант Бородина», — писал знаменитый критик В. В. Стасов, — «равно могуч и поразителен как в симфонии, так и в опере, и в романсе. Главные качества его — великанская сила, колоссальный размах, стремительность и порывистость, соединенные с изумительной страстностью, нежностью и красотой...»

1285 писем Бородина, опубликованные в четырех томах, помогают нам глубже познакомиться с творческой лабораторией и жизнью композитора и ученого. По свидетельству Стасова «писма Бородина равняются по своему музыкальному содержанию — столько в них таланта, художественности, мысли, грации, юмора, силы».

Все четыре тома писем великого композитора и ученого подготовлены к печати кандидатом математических наук Сергеем Александровичем Дианниным. Этот труд занял больше 20 лет. Составитель критически сверил все письма с подлинными текстами, написал предисловие, примечания и послесловие.

С. А. Дианнин — сын приемной дочери композитора Елизаветы Гавриловны и академика Александра Павловича Дианнина, работавшего совместно с А. П. Бородиным, — приступая к труду, располагал наследственным архивом Александра Порфирьевича. У него было почти полторы тысячи документов, связанных с жизнью Бородина. Последние десять лет С. А. Дианнин безвыездно живет в селе Давыдово, Камешковского района, где некогда работал композитор.

— Я задается целью, — рассказывает Сергей Александрович, — опубликовать все письма Бородина, какие удастся разыскать, и все черновики его писем. В комментариях мне удалось разъяснить многие упоминания в письмах факты, имена, прозвища, поговорки. Сделать это мне облегчили и наличие архива и устные семейные предания.

Из писем композитора видно, что он три года — 1877, 1878 и 1879 годов — прожил в Давыдове. Это было то время, когда Бородин написал свой знаменитый первый квартет. В этом же селе он создал и первое действие «Князя Игоря», значительно переработав первоначальный вариант либретто оперы.

В Давыдове композитор нашел хорошую творческую обстановку. Сюда же он переехал фортепиано, которое сохранилось до сих пор.

«Как хорошо здесь в Давыдове! — восклицает Бородин в одном из писем. — Одна прелесть! Сколько ни жила в деревнях, более здоровой и сухой местности решительно не видел. А леса, бор, пойма! Ходи всю жизнь — не находишься, гуляй — не наглядишься».

В другом письме читаем: «Давыдовым я доволен до конца... С первого же дня меня охватило деревенское, что вышибло совсем «заграду»».

Как много и вдохновенно работал Бородин над оперой в Давыдове, хо-

рошо свидетельствует письмо к композитору Н. А. Римскому-Корсакову: «Теперь я занимаюсь музыкой довольно правильно и без помехи. До сих пор сделал следующее: прежде всего написал квартет, который у меня не был кончен; затем многое сделал для либретто; и главное, — при более внимательном изучении Ипатьевской летописи, — уладила дела, касательно 2-го акта, Кончаковны и пр. и уладила хорошо, к выгоде целого. Затем написала вставку для 1-й картины 1-го действия: 2 речитатива и песню, карьерную и циничскую; для Владимира Галицкого; дуэт Ярославны и Владимира Галицкого во 2-й картине первого действия; кусочек для няни, женский хор и сцену с Ярославной; теперь работаю финал 1-го действия и тогда оно у меня будет совсем готово (помимо переделок ранее написанного)».

В примечаниях С. А. Дианнина указано, что речь идет о первом квартете Бородина, в котором до той поры не было написано скерцо. Данные Ипатьевской летописи широко использованы композитором при переработке сценария «Князя Игоря». В хранившейся у Дианнина напике «Либретто Игоря и музыкальные дела» писется ряд выписок о походе Игоря, сделанных Бородиным по Ипатьевской летописи.

По сохранившимся устным воспоминаниям известно, что Бородин начал сочинять финал первого действия (хор бояр «Мужайся, княгиня») в июле 1879 года и много работал над ним без фортепиано, стоя за своим складным бюро на задворках дома Воронинных под деревьями.

Готовясь осенью к отъезду в Медико-хирургическую академию, где он состоял профессором, Бородин говорил: «По правде сказать, смерть жаль расставаться с моим роскошным, огромнейшим кабинетом, с громадным зеленым ковром, уставленным великолепными деревьями, с высоким голубым сводом вместо потолка — коротко, с нашими задворками. Смерть жаль приволья, свободы, крестьянской рубахи, порток и мужичьих сапогов, в которых я безбоязненно шагаю десятками верст по лесам, болотам, не рискуя наткнуться ни на профессора, ни на студента, ни на начальника, ни на швейцара».

Один из местных жителей — Иван Петрович Лалин, хорошо знавший композитора, рассказывал, что Бородин в то лето искал человека, который бы мог напеть ему старинную песню про горы («Жигулевские или Воробьевские»). «Эта песня нужна была Александру Порфирьевичу для театрального представления. Я нашел знающего ту песню моего родственника старика Вахромеича. Вахромеич ему немного напел и получил за то оплату».

В 1928 году С. А. Дианнин произвел анализ оперы и установил, что песня, напетая Вахромеичем, является одной из тем «Князя Игоря». Особенно ясно это видно в финале первого акта оперы. Сергей Александрович в 1935 году выступил на эту тему с докладом перед искусствоведом Ленинграда.

В другом письме из села Давыдова к В. В. Стасову композитор сообщает, что при работе над финалом первого действия он сделал отступление от первоначального плана либретто. «Я заставлю не самих купцов сообщать вести о Игоре, погроме при Каяле и пр., а бояр и приближенных княгини, которые раньше узнали от купцов грозную весть. Они приходят подготовить княгиню, чтобы не сразу опешить ее вестью». Далее Бородин подробно описывает мотивы, которые вынудили его внести изменения: если сделать рассказ полным, поэтическим и картинным, как в подлиннике, он выйдет непомерно длинным и скучным. Слов не слышно будет, музыки грандиозной дать невозможно

двум посредственным певцам, ибо первоклассные певцы Мариинского театра тогда были заняты в других ролях. «И все это выйдет жидко, чем у хора. С либреттной стороны был только один эффект: что купцы рассказывают «перебивая один другого». Но это эффект, — замечает Бородин, — чисто внешний».

В основе оперы «Князь Игорь» лежит древнейший памятник русской культуры конца XII века «Слово о полку Игореве». В нем безвестный автор описывает неудачный поход князя Новгород-Северского Игоря Святославича против половцев в 1185 году. Этот поход окончился поражением войска, пленением самого князя с сыном Владимиром и хищническим разорением ряда русских земель. Этот сюжет привлек композитора для создания русской эпической оперы. В ней он показал один из острых критических моментов жизни родины, несокрушимую, героическую стойкость, величие русского народа.

Работая в Давыдове, Александр Порфирьевич нередко бывал во Владимире, Суздале, Боголюбово. Здесь он находил немало необходимых материалов, помогающих ярче нарисовать образы действующих лиц в опере.

Композитор жил в Давыдове скромно. Он очень любил простых людей, у него много было знакомых крестьян. Он бывал в их домах, оставаясь со всей семьей только у своего друга А. П. Дианнина, но и квартировал у крестьянки Марии Ивановны Володиной. В селе и сейчас сохранился дом, в котором жил Александр Порфирьевич.

Работая над оперой, он изучал русских людей, горячо любил их. Бородин любил все русское. Об одном интеллигенте, уроженце села Давыдова, он говорил: «Эта такая воплощенная простота, доброта и теплота, какую я могу себе представить только в человеке, вышедшем из народа, но никогда не выходящем из народа. Сколько в нем врожденной, тонкой, настоящей — не буржуазной европейской — деликатности, любезности, простоты, без всякой принужденности, услужливости, низкопоклонства».

Местное население с уважением относилось к Александру Порфирьевичу. В одном из воспоминаний композитора приводится случай, как тогда проезжала его в Петербург великая сельская молодежь. Перед отъездом Бородин вместе с родственниками пел хор Мендельсона «Прощальная песня охотника» и другие песни. Крестьяне, услышав песню, стояли возле дома. Композитор рассказывает в письме от 24 августа 1877 года: «А слушателей то, что слушателей было! Чуть окна не высадили. Мы уже отворили окна то из предосторожности. Сначала показались в них только макушки голов, потом и целые головы, а там глядишь головы то очутились уж в комнате, а на окнах то локти, да груди: (— это значит уж очень увлеклись, слушаю музыку то, почтай в горницу влезли!). Да слушают то не просто, а с замечаниями, — это же лучше, а вот то то хуже и т. д.»

В Давыдове А. П. Бородин продолжал и научную деятельность. В письме к врачу А. Н. Шибанову, которая под его руководством готовила работу «Обмен веществ у детей», Александр Порфирьевич дает ценные теоретические и практические указания.

Четырехтомник писем А. П. Бородина представляет большой интерес для широкого круга читателей. Особенно близко это владимирцам, где композитор создавал свои гениальные творения.

А. П. Бородин оставил небольшое по количеству творческое наследие — число написанных им музыкальных произведений едва превышает два десятка. Но всеми своими сочинениями он значительно обогатил русскую культуру, поднял ее на огромную высоту.

Сергей Александрович Дианнин, подготовивший к печати письма Бородина, сделал ценный подарок советским музыкантам, любителям музыки, историкам, да и всем читателям. Не легкое было труд составителя и редактора. Он, живя в деревне, вел большую переписку со многими музеями, архивами, библиотеками, композиторами, искусствоведами. Порой для расшифровки одного слова приходилось вести длительные исследования.

Так, например, в одном письме из Москвы композитор обмолвился фразой «сегодня в два часа будет концерт». Сергей Александрович пересмотрел все афиши, которые сохранились от того времени, и точно установил, что это был симфонический концерт на промышленно-художественной выставке 1882 года. Им дирижировал Н. А. Римский-Корсаков. Теперь стало известно, что 15 августа того года была впервые исполнена музыкальная картина А. П. Бородина «В Средней Азии» и армия Кончака из еще неоконченной тогда оперы «Князь Игорь».

Наряду с подготовкой к печати писем композитора С. А. Дианнин написал биографию Александра Порфирьевича Бородина, которая принята к изданию Музгизом. В эту книгу включены многочисленные документы — письма к великому композитору, метрическое свидетельство о рождении Бородина, свидетельства из учебных заведений, афиши о концертах, заграничные паспорта и т. д.

Недавно Сергей Александрович Дианнин закончил в Давыдове статью для журнала «Советская музыка» о народных музыкальных темах в опере «Князь Игорь». В основу этой статьи положены исследования, проведенные в 1928 году. Совместно с профессором Петровым написана статья для ученых записок Института истории естествознания Академии наук СССР о нашем земледелии — академик Александр Павлович Дианнин, столетие со дня рождения которого исполняется 21 апреля.

В небольшой бревенчатый дом Сергея Александровича Дианнина часто приходят колхозники. Они с вниманием слушают увлекательные рассказы о жизни в их селе великого русского композитора. Вместе с биографом А. П. Бородина они обходят те места, где работал Александр Порфирьевич над оперой и своим «раскопанным огромным кабинетом» под открытым небом, где он в крестьянской одежде гулял по окрестным лесам Клязьменской поймы.

Недавно составитель четырехтомника писем Бородина получил авторские экземпляры последней, подготовленной им к изданию, четырехтомника писем великого композитора А. П. Бородина. Автор подарил свою книгу сельской библиотеке, колхозникам — участникам художественной самодеятельности.

Н. СТУРИКОВ.

с. Давыдово, Камешковского района.

Александр Порфирьевич, по официальному календарю великий день Бородина будет праздноваться только в будущем воскресенье. Но для меня он есть и в этой жизни — уже сегодня. Воротился я домой часов в 5, по вседневному, и нашел Ваше письмо. Вот это уже было порядочное торжество потому, что и письмо было чудесное, и новости от Вас — самые капитальные! Еще ли это не знатный «день Бородина»? Но этого мало. Через 2 часа явился Гольдштейн (химик)... И тогда у нас пошла, разумеется, речь Вы знаете о ком! Другими словами пошло продолжение «бородинского дня». Вам, Александр Порфирьевич, может быть известно, что навряд у Вас есть такая другая пара жарких поклонников, как мы с Гольдштейном и потому Вам представляется вообразить себе сколько тут было пересогворено про Вас и что тут было играно и из симфонии, и из квартета, и из оперы!! Ведь у Гольдштейна самая знатная память (по крайней мере на Ваши вещи) и я его заставил сыграть даже несколько раз анданте из квартета, а потом Кончаковну, которая и того лучше, да и мало ли что!

Мы оба взапуски напились пьяны, несмотря на то, что играет он прескверно...

Теперь про ваше письмо. Вы меня чорт знает как восхитили и вообще известием о всем сочиненном и известием о переменах в либретто. Жаль мне купцов.

*) Публикуется впервые. Предоставлено редакции С. А. Дианнина.

Из ответа Александра Порфирьевича Бородина

(Послано из с. Давыдово 15 августа 1879 года)

...Насчет купцов то, т. е. собственно рассказа их (сорт пана Бурквичи к Вам с недоброю вестью и пр.), право так будет лучше; я рад, что Вы при всей жалости к ним (а ведь они и в самом деле могут быть только самые жалкие рассказчики) согласны, чтобы они не произносили много жалких слов. Насчет обилия хоров, — то я не боюсь. Подумайте сами в 1-й картине хор прерывается речитативным и армоническим вставками солистов: речитативом Владимира Галицкого... Сюлы, Ерошки, княжю песню их (дуэт с репликами хора). Во второй картине: соло Ярославны... дуэт ее с Владимиром Галицким; многочисленные реплики ее, речитатив и вставки, в виде разговоров с девушками, придворными, купцами и пр., и пр. Нако-

по в самом деле по вашему будет лучше и выгоднее распорядиться. Только опять боюсь: не слишком ли много грустных хоров? Теперь я с особенным нетерпением и жадностью жду — знаете ли чего? как у Вас выйдет «песня о лесе». Она уже и теперь крупный шедевр, а когда разрабатается Вами, конечно, выйдет еще великолепнее.

Но вот о чем нет в вашем письме и никакого известия: это об «Увертюре». А я крепко на нее надеюсь для концертов нынешней зимы вместе с удивительной арией Кончаковны. Ведь вы ее давно обещали и давно пора, чтобы все наконец услышали это чудо из чудес. Ведь правда, Вы не забудете ее для нынешней зимы? А я вам пригласил на зиму тоже порядочный гостинец: я взял честное слово с Антона Рубинштейна, что при первом же собрании «могучей кучки» у меня нынче зимой он нам сыграет фис-мольную сонату Шумана...

Если бы Вы только видели, как меня радовала Ваша работа и забота о либретто. Вот кто так хлопотет и глубоко вдумывается в свою оперу, и сцены, и личности, и положения, только тут и жди настоящего дела, настоящей оперы.

Ваш В. С.

Р. С. И так почти весь 1-й акт будет без перерыва состоять из хоров? Не опасно ли это и для оперы и для исполнителей?.. Подумайте хорошенько, государь мой!

нец, она тоже человек, а не фонограф или органчик, заводимый ключиком. Не сходя со сцены, ни за какую надобностью и вывода высокие нотки, ведь всякая гибнет во цвете лет и славы, если ей не дать передышки. Притом она все волнуется, стонет, надрывается, скулет... ей ей, не выдержать никому! Женский хорик — маленький (женщины, которых Владимир Галицкий выгнал в 1-й картине, приходят на него жаловаться княгине, что и дает повод к беседе ее с братом, т. е. дуэтом). Воля оно как сочиняется, органически то, либретто! Относительно увертюры вышла маленькая запятая из за первой темы (элемента «Игоря»).

Сегодня в том селе

О глубокой ночи светится окнами в доме Сергея Александровича Дианнина. Ученый сидит над рукописями. Перед ним раскрыты папки с пожелтевшими документами, редкие книги. На

нет окания послать в город, а у нас и получают, и посылают письма с оканьем».

Прочитали эту фразу теперь в Давыдове и даже удивились:

— Неужели и почти не было? — спросила Александра Хромова. Девушке, родившейся при советской власти, непонятно, как это можно отправлять письма с оканьем, когда в Давыдове есть и почта, и сберкасса, и библиотека, и школа, и больница; из села, по улицам которого ходят и грузовые и легковые автомобили...

Письма Бородина читают и перечитывают. Колхозники знакомятся с жизнью и творческой лабораторией великого композитора. С именем Александра Порфирьевича в селе связано много мест. Он жил здесь, работал на задворках дома, в котором теперь размещается правление укрупненного колхоза. Сохранились деревья, к шуму которых прислушивался композитор...

Все эти места заботливо оберегают.

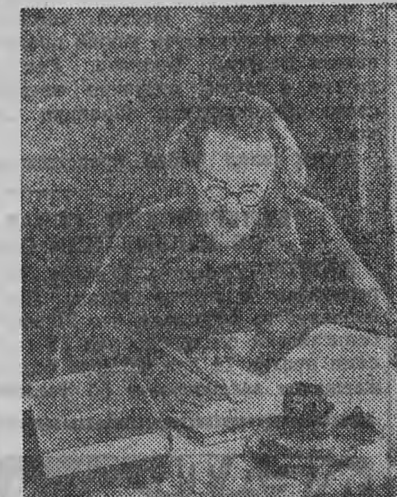
В Давыдове есть сельский лекторий. С докладами выступают местные интеллигенты, знатные мастера урожая. Недавно директор школы К. М. Талызина прочитала лекцию о великих строителях, агроном М. П. Дурова рассказала, как надо применять гранулированные удобрения. Сейчас кандидат математических наук С. А. Дианнин готовит обзор лекции о преобладающих в селе Бородина в Давыдове.

Присажал в село на отдых народный артист СССР А. Д. Попов. Он читал лекции по вопросам искусства членам местного драматического колхоза, помог им поставить на сцене пьесу А. Н. Островского «На бойком месте». Один из одаренных участ-

ников этого кружка Игорь Панфилов теперь стал артистом Центрального театра Советской Армии.

Многие жители села получили высшее образование. Александр Соков в прошлом году защитил диссертацию на звание кандидата химических наук, Сергей Мизонов и Николай Судаков стали инженерами-строителями, Александр Козлов работает в аппарате Верховного Совета СССР, Александр Чеков — на ответственной работе в Министерстве внешней торговли СССР. А ведь до советской власти люди из Давыдова уезжали в города только как отходники — маляры да кровельщики. Они уезжали, чтобы спасти семью от голода. А теперь в Давыдове — крупное коллективное хозяйство, землю возделывают машинами, по всем правилам агрономической науки.

Вся местная молодежь объединена в спортивное общество «Колхозник». На районных соревнованиях по лыжам Александра Хромова заняла второе место. В местной библиотеке 500 читателей, тысячи книг...



С. А. Дианнин за работой над письмами А. П. Бородина. Фото А. Волкова.

столе стоит большая фигурная чернильница, чернилами из которой больше семидесяти лет назад великий композитор писал партитуру «Князя Игоря».

Иногда по улице с песнями и веселыми шутками проходит молодежь. И когда приближаются к дому Дианнина, кто-нибудь строго говорит:

— Тише!.. Сергей Александрович работает.

И смолкает песня, разговор прекращается на миг. Нельзя мешать ученому работать над новой книгой.

А Сергей Александрович продолжает трудиться. Он работает много, вдохновенно. В Давыдове нет института, кандидат математических наук Дианнин не читает лекции студентам. Но ученый разрабатывает важные вопросы, его труды нужны и математикам, и искусствоведам, и всем читателям.

В начале этого года Сергей Александрович получил авторские экземпляры последней, подготовленной им к изданию, четырехтомника писем великого композитора А. П. Бородина. Автор подарил свою книгу сельской библиотеке, колхозникам — участникам художественной самодеятельности.

Н. СТУРИКОВ.

с. Давыдово, Камешковского района.



Дом в селе Давыдово, Камешковского района, в котором композитор А. П. Бородин написал первый акт оперы «Князь Игорь».

Фото А. Волкова.



Фото А. Волкова.